

УДК 1(091);172.4

И. Н. Сидоренко, кандидат философских наук, доцент, докторант (БГУ)**НАСИЛИЕ ЯЗЫКА**

В статье анализируется проблема вербального насилия и делается предположение о том, что человек способен к насилию именно потому, что способен говорить. Язык осуществляет насилие по отношению к называемой вещи не только посредством разрушения ее единства, но и созданием символической реальности существования смысла этой вещи. В статье особое внимание уделяется двум проектам насилия языка, представленным в философских концепциях М. Хайдеггера и В. Бенямина, общим для которых является понимание насилия как онтологического и божественного насилия языка. В заключении делается вывод о том, что западный рационализм создал искусственно стерильные зоны ненасилия в символическом пространстве реальности, тем самым столкнув современный мир с тотальностью мифического насилия.

In this article the problem of verbal violence is analyzed and the author makes the assumption that the person is capable to violence just because he is capable to speak. Language realizes violence in relation to a called thing not only by means of destruction of its unity, but also by means of creation of symbolical reality for existence of sense of this thing. In article the special attention is devoted to two projects of violence of the language, presented in M. Heidegger and W. Benjamin's philosophical concepts, the general for which is the understanding of violence as ontological and divine violence of language. In the conclusion it is approved that the western rationalism has created sterile zones of a non-violence in symbolical reality artificially, thereby has pushed off the modern world with totality of mythical violence.

Введение. Для нас является привычным представление о языке и символической реальности как о пространстве примирения и мирного сосуществования, которое отличается от насильственной среды непосредственного, прямого, физического насилия. Вместо прямого совершения насилия в языковой символической среде мы обсуждаем, обмениваемся мнениями. Получается, что вхождение в коммуникативное пространство и отказ от насилия часто понимаются как две составляющие одного явления. Разговор как отказ от насилия характеризует саму суть человеческой природы. Но что если человек способен к насилию именно потому, что способен говорить? Вспомним утверждение Г. Гегеля о том, что в самой символизации вещи, равной ее умерщвлению, содержится уже нечто насильственное. Это насилие языка осуществляется через упрощение называемой вещи, через разрушение ее единства. Язык помещает вещь в область значения, которая, в конечном счете, является внешней по отношению к ней. Получается, что вербальное насилие является не вторичным искажением, а основным средством человеческого насилия. Отсюда, несмотря на увеличивающуюся рационализацию жизни, современное информационное общество сталкивается с новой проблемой: тотальность символического насилия, порождающего новые технологии контроля и социальные практики. Власть и насилие языка навязывает значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в ее основе. В силу этого ошибочно было бы рассматривать пространство языка как про-

странство ненасилия. Ж. Лакан выразил эту насильственную природу языка в своем понятии «господствующего означающего», которое упрощает и тем самым объединяет символическое поле. Человеческая коммуникация, осуществляемая в таком символическом поле, не предполагает «эгалитарной интерсубъективности». Поэтому реальное пространство дискурса основывается на насильственном насаждении господствующего означающего, которое часто невозможно обосновать доводами.

Основная часть. В современной философии достаточно широко обсуждается проблема насилия языка или символического насилия. Однако мы сделаем акцент на двух проектах, представленных в философских концепциях М. Хайдеггера и В. Бенямина, общим для которых является понимание насилия как онтологического и божественного насилия языка.

Онтологическая природа насилия языка в философии Хайдеггера раскрывается через понятие «контекст», под которым философ понимает бытийное основание сущего, выраженное в его сущности. По мысли Хайдеггера, сущность – это то, что зависит от исторического контекста, от «эпохального раскрытия бытия», которое не просто раскрывается посредством языка, а осуществляется в языке как «доме бытия». Таким образом, именно язык создает сущности, вернее «приводит вещи» к их сущности и «подвигает нас» таким образом, чтобы вещи имели для нас определенное значение. Следовательно, мы разделяем изначальный язык, когда мир артикулируется в одном и том же стиле/смысле для нас. В качестве примера

можно привести любое политическое выступление протеста. Так, например, когда рабочие выступают против своей эксплуатации, они выражают недовольство не самой реальностью, а восприятием своего положения, ставшим значимым благодаря языку. Сама по себе реальность лишена оценок о том, выносима она или нет, сносной или невыносимой делает ее язык. Таким образом, в этом «прибывающем» качестве языка как бытийном основании нашего восприятия реальности содержится онтологическое насилие.

Разбирая Хор из Антигоны во «Введении в метафизику», Хайдеггер раскрывает онтологическое насилие как «демоническое» измерение самого языка, присущего каждому жесту основания нового мира, совершаемому поэтами, мыслителями, государственными деятелями. Как таковой творец стоит вне и над полисом, он вне определений морали, так как только в таком качестве он способен основать новое общее бытие и создать новую мораль. Так, «незаконное» насилие творца основывает господство устанавливаемого им закона. Вместе с тем сам творец является первой жертвой этого насилия: он должен быть упразднен с появлением основанного им нового порядка. Это упразднение может принимать различные формы: от физического уничтожения до впадения в безумие. Таким образом, сущность онтологического насилия, по мысли Хайдеггера, не может быть раскрыта через его эмпирические проявления в страданиях, войнах, разрушениях, наоборот, она состоит в насильственном характере самого основания как насаждения новой формы сущности реальности, раскрытия общего бытия. В силу этого, можно интерпретировать сущностное насилие в философии Хайдеггера как нечто, закладывающее основу или, по крайней мере, открывающее пространство для проявления онтического или физического насилия. Онтологическое насилие, производя определенное раскрытие мира, создает и социальные отношения власти и насилия.

Приведем пример вспышки насилия, порожденного языком, СМИ, вспомнив осень 2005 г., когда широкие демонстрации в арабских странах против карикатуры на Мухаммеда, опубликованных в одной из датских газет «Jyllands-Posten», чуть не переросли в столкновение цивилизаций. При этом особенностью символического насилия эпохи глобализации является то, что оно зиждется на слухах и непроверенных фактах, чьей задачей является порождение страха и «раскачивания» социальной стабильности. Так, необходимо отметить, что большинство участников этих протестных выступлений против карикатур на пророка посчитали

себя оскорбленными, даже не видя этих карикатур. Мусульманские толпы реагировали не на саму карикатуру, а на стоящий за нею образ Запада, созданный определенным идеологическим видением, который искажает западную реальность не меньше, чем западное видение Востока. Такое видение или символическое поле создается языком.

Исходя из хайдеггеровской интерпретации онтологического насилия, можно сделать вывод о том, что существует прямая связь между онтологическим насилием и структурой социального насилия, присущей языку и выраженной в отношениях принудительного господства. Мы существуем в символическом мире, а это значит, что если один индивид считает другого, например, неполноценным, то второй действительно становится неполноценным на уровне своей социально-символической идентичности. Так онтологическое насилие языка открывает возможности для осуществления онтического насилия.

Ориентируясь на хайдеггеровскую концепцию онтологического насилия, Беньямин выстраивает собственный проект божественного насилия, рассматривая его как аллегория власти авторского языка. Обратимся сначала к его анализу дихотомии насилия права и справедливости, в которой происходит соотношение чистого насилия со справедливостью, а само право понимается как включающее в себя бесправие. «Правополагание устанавливает власть и одновременно является актом непосредственной манифестации насилия» [2, с. 198]. Беньямин опровергает представление о праве как о святости и не разделяет идею о сверхличной природе справедливого порядка в мире, так как право может гарантировать только насилие, поэтому как такового равенства просто нет, в лучшем случае можно говорить о равном по величине насилии.

Беньямин проводит различие между насилием как средством, т. е. правовым насилием, и чистым справедливым насилием. На основании этого различия он выделяет два вида насилия: мифическое и божественное, при этом справедливость выступает принципом божественного насилия как целеполагания и правоуничтожения, а власть – принципом мифического насилия как правоустановления и правополагания. Мифическое насилие, будучи правополагающим, устанавливает границы применимости как права, так и насилия соответственно, тем самым позволяя искупить вину кровью, а божественное, будучи правоуничтожающим и вне вины, разрушает границы, претендуя на безграничное беззаконие и принуждая платить сполна. В основе такого разделения у Беньямина

лежит противопоставление уравненного христианского права с мифическим, унаследованного право-насилие Римской империи, и иудейского Бога, отменяющего необходимость исторического процесса и римского права, и тем самым воскрешающего суд традиции, для которого виновны все и никто. Чувство вины порождается мифическим насилием, сознательно скрывающим свою сущность, выраженную в насилии. Тем самым, согласно Беньямину, вина воспроизводится как «неразрывная связь мифа и современности», порождающая порочный круг самоблокировки мышления и поступка. Выход из этого круга заключается у Беньямина в том, что выходит за пределы мифа, права, вины, т. е. в чистом насилии и языке. Для человека в такой ситуации возможен только один выбор: или мифическое насилие, или божественное. Выбирая мифическое насилие, он обрекает себя на безмолвное признание вины; выбирая божественное насилие, его существование наполняется священным смыслом, раскрывающим в божественном целеположении насилия саму справедливость. Отсюда единственно правильный выбор – это выбор чистого божественного насилия, устанавливающего единственно справедливую реальность. Несмотря на спорность утверждений Беньямина о божественном насилии, он, ставя эти проблемы, актуализирует проблему ценностей западной культуры: его отказ от рационально-правового проекта установления правового государства совпадает с критикой европоцентризма, логоцентризма и проблематизирует существование западной цивилизации как таковой. В преддверии создания нацистского государства и последующей фашистской оккупации Европы эти размышления Беньямина можно с полным правом назвать пророческими.

Само название работы Беньямина «К критике насилия» и выбор им метода критики обусловлен внутренним спором с И. Кантом. Трех критикам Канта Беньямин противопоставляет свою критику искусства, обнажая могущество самой критики. Власть критики у Беньямина реализуется в пространстве языка, который, с одной стороны, выступает как орудие критики в отношении художественного произведения, а с другой стороны, предстает как самосоккрытие, делающее неподсудным самого критика, стоящего на стороне чистого божественного насилия. Произведение искусства вбирает в себя весь опыт человека, тем самым снимая различие между поэтическим и политическим (например, в сюрреализме). Отсюда критика про-

изведения искусства превращается в критику самого существования.

Определение насилия как аллегии власти авторского языка коренится в разведении Беньямина двух типов насилия: мифического и божественного. Критика рассматривается Беньямином как изнанка претензии на власть, где позиция критика искусства раскрывает пространство реализации этого господства. Так, критик одновременно предстает как тот, кто судит, но сам остается вне критики, кто задает смысл и дает возможность художественному произведению осуществиться. Критика, согласно Беньямину, потому представляет собой осуществление власти, что она раскрывает единственно возможный смысл, остающийся для самого автора произведения неизвестным. Таким образом, языком, совершенно недоступным для насилия, но представляющим собой насилие творящее, устанавливается сама справедливость. Критик хоть и остается вне зоны суда, будучи неподсудным, однако, ставя подпись, несет тотальную ответственность за созданный им смысл. Отсюда божественное насилие, будучи «слепым подобием разума», справедливо потому, что несет ответственность, и разумно потому, что стремится к равновесию во всем.

Заключение. Исходя из основных тезисов Хайдеггера и Беньямина, можно с уверенностью предположить, что во многом потому, что западный рационализм искусственно создавал стерильные зоны ненасилия, современный мир сейчас сталкивается с тотальностью насилия мифического, представленного в кровавой жестокости, в которой виновны все. Власть информации и тотальность символического насилия порождает такой феномен, как «всеобщая война». В современную глобализационную эпоху война превратилась из аномалии в естественное, нормальное состояние, из конфликта между государствами в некое подобие «войны всех против всех», из средства политики в саму политику. Современная всеобщая война создает новый мировой порядок, базирующийся не на прямом насилии, как это делалось в эпоху традиционных и индустриальных обществ, а посредством страха, вызываемого угрозой символического насилия, порождаемого в пространстве языка.

Литература

1. Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt // Gesammelte Schriften. Bd. II. 1. Frankfurt am Main, 1977. S. 198.

Поступила 25.02.2014